
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА,

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА

Н. В. ГОГОЛЯ.

НОВЫЕ ОТРЫВКИ И ВАРЬЯНТЫ.

Оттиски изъ «Русской Старины» 1872 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15, кв. № 3.
1872.

Издаваемые нынѣ отрывки и варьянты — относятся ко второму тому «Мертвыхъ Душъ». Этотъ томъ, какъ извѣстно, составлялся въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ 1845 году Гоголь подвергнулъ его первому сожженію. Затѣмъ, вновь написанный, онъ выдерживалъ безконечныя поправки и дополненія. Лѣтомъ 1851 г. трудъ былъ оконченъ, осенью авторъ готовился приступить къ изданію, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя — бросилъ его въ огонь вмѣстѣ съ черновыми набросками третьяго тома.

Кое-что однако уцѣлѣло: то были пять главъ второго тома. Онѣ изданы впервые въ 1855 году, племянникомъ Гоголя, Н. П. Трушковскимъ.

«Первая глава второго тома «Мертвыхъ Душъ»—пишетъ издатель въ предисловіи — сохранилась вся и болѣе другихъ подверглась поправкамъ и передѣлкамъ автора. Извѣстно, что она была впослѣдствіи совсѣмъ обработана; въ такомъ видѣ авторъ читалъ ее нѣкоторымъ изъ своихъ друзей; онъ самъ говорилъ зимою 1850 года, что «съ первой главы туманъ сошелъ». Въ августѣ 1851 года Гоголь прочелъ С. П. Шевыреву шесть главъ совершенно оконченныхъ къ печати, и седьмую почти готовую.

«Начало первой главы: описаніе деревни Тентетникова (какъ и вообще всѣ описанныя мѣстности), за тѣмъ воспитаніе Тентетникова въ школѣ, поступленіе его на службу, поправлено и передѣлано столько разъ, что даже трудно рѣшить, что именно слѣдуетъ выбирать. Наконецъ портретъ Улиньки только набросанъ, — говорятъ, что очеркъ ея былъ удивительный, — самыя слова даже не дописаны; можетъ быть изъ этого именно очерка предстала-бы потомъ, кака самъ авторъ обѣщалъ въ 1-й части своей поэмы, та «чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія.»— Вторая глава прервана въ самомъ интересномъ мѣстѣ, когда слѣдуетъ примиреніе генерала съ Тентетниковымъ и разговоръ ихъ о 1812 годѣ; да и въ самомъ разговорѣ генерала съ Чичиковымъ, по разсказамъ слышавшихъ чтеніе самого автора, недостаетъ многаго»....

Въ 1857 году, въ Петербургѣ вышло собраніе сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя — въ изданіи П. А Кулиша. Въ четвертомъ томѣ помѣщены обѣ части «Мертвыхъ Душъ». Въ предисловіи ко второй—издатель пишетъ слѣдующее:

«Н. П. Трушковскій, въ предисловіи своемъ къ изданному имъ впервые второму тому «Мертвыхъ Душъ», говоритъ, что сочиненіе это дошло до насъ въ «черновыхъ, давнишнихъ тетрадяхъ, нечаяннымъ образомъ уцѣлѣвшихъ отъ сожженья». Но тетрадей, заключающихъ въ себѣ продолженіе «Мертвыхъ Душъ», нельзя назвать черновыми, въ собственномъ смыслѣ слова. Онѣ были

тщательно списаны самимъ Гоголемъ съ предшествовавшей имъ черновой рукописи *), и потомъ уже испещрены множествомъ разновременныхъ поправокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣланы цѣлые листы и страницы (рукопись на почтовой бумагѣ, листового формата), въ другихъ прибавлены новыя, или измѣнены старыя строки, фразы и слова; однѣ поправки сдѣланы при перепискѣ текста, другія по готовой уже рукописи; однѣ — единовременно, другія — въ нѣсколько пріемовъ и разными чернилами: черными, блѣдными, рыжими, а мѣстами и карандашомъ. Изъ всего этого видно, что Гоголь много разъ принимался исправлять и передѣлывать свое сочиненіе»....

Г. Кулишъ напечаталъ въ своемъ изданіи второй томъ «Мертвыхъ Душъ» въ двойномъ видѣ: «сперва такъ, какъ онъ былъ переписанъ набѣло рукою Гоголя, а потомъ въ томъ видѣ, въ какомъ Гоголь желалъ представить его публикѣ».

Въ послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій Гоголя, исполненныхъ его наслѣдниками (М. изд. 1862 г.—4 тома и послѣднее М. 1867 г.—4 т.) вторая часть «Мертвыхъ Душъ» напечатана дословно такъ, какъ и въ изданіи г. Кулиша.

Представляемые нами отрывки составляютъ частью варьянты, частью дополненія тѣхъ списковъ первыхъ главъ второго тома «Мертвыхъ Душъ», которыя до сихъ поръ найдены и изданы.

Отрывки эти сохранились въ рукописи, принадлежавшей другу и товарищу Гоголя по воспитанію въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Николаю Яковлевичу Прокоповичу (ум. въ 1857 г.). Рукопись (въ 4-ю долю) подарена была Прокоповичемъ на память его сослуживцу по преподаванію въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ полковнику Н. Ф. Я—му. Полковникъ, живя впослѣдствіи въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, познакомился съ директоромъ училищъ Могилевской губерніи—Михаиломъ Максимовичемъ Богоявленскимъ и, по его просьбѣ, охотно позволилъ снять точную копію съ своего манускрипта.

Эту копію М. М. Богоявленскій, — нынѣ директоръ С.-Петербургскаго коммерческаго училища,—весьма обязательно предоставилъ намъ напечатать на страницахъ «Русской Старины».

По тщательномъ сличеніи печатаемаго списка г. Богоявленскаго съ изданіями II-го тома «Мертвыхъ Душъ», въ рукописи оказываются слѣдующія главнѣйшія разности:

1) Совершенно новые эпизоды: въ разсказѣ о службѣ Тентетникова, именно столкновеніе съ начальникомъ отдѣленія Лѣницынымъ и арестъ Тентетникова.

2) Разсказъ дядя Тентетникова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ и его съ нимъ обращеніи.

3) Рѣчь Тентетникова къ крестьянамъ и крестьянкамъ, по пріѣздѣ въ деревню и разсужденіе мужиковъ и бабъ о баринѣ.

4) За исключеніемъ этихъ трехъ эпизодовъ, не вошедшихъ въ печатныя изданія, весь разсказъ о жизни Тентетникова въ деревнѣ переданъ въ рукописи противъ печатнаго значительно короче, причемъ во многихъ словахъ и цѣлыхъ оборотахъ встрѣчаются разности противъ соотвѣтственныхъ мѣстъ въ изданіяхъ.

5) Во II-й главѣ—въ рукописи совершенно новыя мѣста: размышленія Бет-

*) Кромѣ послѣднихъ листовъ, которые переписаны наскоро, или написаны начерно. П. К.

рищева о службѣ и о «подлецахъ», которые ее продолжаютъ; замѣчаніе его о Михайловскомъ-Данилевскомъ и др.

6) Сватовство Чичикова у генерала Бетрищева его дочери Улиньки за Тентетникова.

7) Обѣдъ Чичикова у Бетрищева.

8) Возвращеніе Чичикова къ Тентетникову; разсказъ его о визитѣ Бетрищеву, о сватовствѣ, объ исторіи генераловъ. Тентетниковъ принимаетъ на себя роль исторіографа и ѣдетъ съ Чичиковымъ къ Бетрищеву. Примиреніе.

9) Въ прочихъ мѣстахъ II-й главы рукопись представляетъ разности противъ изданій въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ.

10) Въ III-й главѣ рукопись имѣетъ ненапечатанныя подробности о предъобѣденной закускѣ у Пѣтуха, и сонъ Чичикова; прочія затѣмъ мѣста этой главы отличаются отъ изданій 1855, 1857 и слѣдующихъ гг. только нѣкоторыми словами и выраженіями, но эти различія хотя и маловажныя встрѣчаются во многихъ мѣстахъ.

Всѣ указанные нами — небывшіе еще въ печати отрывки—незначительны по объему, но въ нихъ искрится неподражаемый, умершій съ Гоголемъ юморъ, поразительная мѣткость выраженія и художественное воспроизведеніе лицъ, мѣстностей, всего, до чего только касалась кисть геніальнаго мастера.— Независимо отъ этого даже мельчайшіе варьянты въ сочиненіяхъ Гоголя для каждаго изъ его почитателей — а таковы всѣ грамотные русскіе – интересны уже потому, что они знакомятъ насъ съ процессомъ творчества безсмертнаго художника.

Долгомъ считаемъ поблагодарить М. М. Богоявленскаго за его сообщеніе.

М. С.

ГЛАВА I.

(Начало главы въ рукописи совершенно сходно съ печатнымъ, то-есть: обращеніе къ самому себѣ: почему авторъ все описываетъ «бѣдность, да несовершенство нашей жизни», затѣмъ великолѣпный очеркъ великорусской природы, описаніе имѣнія Тентетникова, видъ съ балкона; обрисовка Тентетникова, отзывъ о немъ генерала Бетрищева и др., наконецъ описаніе дня изъ жизни Тентетникова... далѣе въ рукописи слѣдуетъ):

.... Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось. Развѣ что подержалось (sic) на колѣняхъ смазливую Палашку или Авдотку, приходившихъ въ спальню для уборки комнаты. И вотъ какъ проводилъ время одинъ одинешенекъ, молодой тридцати-трехъ-лѣтній человѣкъ: сидѣлъ сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстуха. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться наверхъ, не хотѣлось растворить окна и впустить свѣжаго воздуха въ комнату. И прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой гость-посѣтитель, ровно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого видно, что Андр. Ив. Тентетниковъ принадлежалъ къ семейству людей, которыхъ имена прежде были: увальни, лежебоки, бай-

баки, а которыхъ теперь называютъ: мыслителями, умозрителями, философами. Родятся ли уже сами собою такіе характеры или образуются потомъ?—Андрей Ивановичъ родился лежебокомъ, байбакомъ. Сынъ достаточныхъ родителей, до десяти лѣтъ прозябалъ дома. Десяти лѣтъ, потерявъ родителей, попалъ въ заведеніе какого-то Ѳеодора Ивановича, усерднаго, но крайне неспособнаго человѣка.

Онъ бился изъ того только, чтобы въ его заведеніи читалось какъ можно болѣе курсовъ, и какъ можно пространнѣе. И Боже мой, чего тамъ ни читалось. И физика, и химія и всѣ отрасли естественной исторіи, и физіологія, и сравнительная анатомія, и логика, и метафизика, и наконецъ, верхъ всего — всеобщая исторія человѣчества. Эту исторію человѣчества излагали въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что въ три года профессоръ едва успѣвалъ прочесть введеніе, да развитіе общихъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ. Вся эта галиматья слушалась всѣми воспитанниками заведенія, слушалась и Андреемъ Ивановичемъ, слушалась и оставалась въ головѣ какими-то безобразными клочками. Кончилось ученіе—Андрей Ивановичъ рѣшился вступить въ службу, и не взглянувши на прекрасный родной уголокъ, такъ поражавшій всякаго гостя-посѣтителя, не поклонившись праху своихъ родителей, понесся въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится со всѣхъ сторонъ Россіи наша молодежь—служить, выслуживаться, или просто схватывать верхушки безцвѣтнаго, холоднаго какъ ледъ, общественнаго, обманчиваго образованія. По протекціи дяди, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Онуфрія Ивановича, опредѣлился, впрочемъ съ большимъ трудомъ, въ какой-то департаментъ.

Скоро Тентетниковъ свыкся со службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ полагалъ-было вначалѣ, но чѣмъ-то второстепеннымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, дослужившійся до этого чина сорокалѣтнею безпорочною службою, за что и получилъ золоченную, съ лавровымъ вѣнкомъ, пряжку, съ цифрами XL, которую носилъ на груди вмѣстѣ съ дворянскою медалью и Владиміромъ 4-й степени, съ надписью за 35 лѣтъ, дядя радовался успѣхамъ племянника, который, черезъ шесть мѣсяцевъ службы, получилъ чинъ губернскаго секретаря. (Дядя служилъ четыре года прежде чѣмъ попалъ въ 14-й классъ).

Дядя сталъ уже помышлять, что изъ племянника будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Въ числѣ друзей Андрея Ивановича попались двое, которые были то, что называются разочарованные, огорченные люди. По природному своему телячьему свойству, Тентетниковъ поддался ихъ вліянію, и хотя самъ ничего въ жизни

не перенесъ, ни въ чемъ не разочаровался, счелъ себя тоже разочарованнымъ и огорченнымъ. Пріятели его не могли переносить равнодушно всего, что казалось имъ несправедливостью. Имѣя надобность въ снисхожденіи къ себѣ другихъ, сами были крайне неснисходительны ко всѣмъ. Тентетниковъ заразился сильнымъ негодованіемъ противъ общества вообще, и противъ начальниковъ, стѣсняющихъ свободу человѣка, въ особенности. Нервная раздражительность заставила его замѣчать тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и вниманія не обращалъ. Вдругъ ему не понравился начальникъ его отдѣленія, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Лѣницынъ. Тентетниковъ сталъ открывать въ немъ бездну недостатковъ; ему показалось, что Лѣницынъ, въ разговорахъ съ высшими, весь превращался въ приторный сахаръ, и въ уксусъ, когда обращался къ подчиненному; что онъ готовъ былъ служить начальству какъ лакей; что онъ даже бросался подавать шинель и галоши директору департамента, и по уходѣ директора посматривалъ, поджидая не подастъ ли ему шинели и галоши какой-нибудь столоначальникъ, и когда нашелся такой столоначальникъ, улыбался и цѣдилъ сквозь зубы: „премного вамъ обязанъ, почтеннѣйшій“, вмѣсто того, чтобы сказать: „напрасно вы унижаетесь“; что онъ, Лѣницынъ, бралъ на дурное замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, и вымѣщалъ по службѣ тѣмъ, которыхъ бралъ на дурное замѣчаніе за неявку въ праздники. Тентетниковъ почувствовалъ къ нему нервическое отвращеніе. И совершенно напрасно. Конечно, Лѣницынъ былъ изъ подленькихъ. Но какое дѣло подчиненному до того, подлецъ ли или нѣтъ его начальникъ, и какое начальникъ имѣетъ право на полное душевное уваженіе своихъ подчиненныхъ. Да притомъ же, какая тутъ подлость подать галоши начальнику. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсуждали всѣ начальники отдѣленія департамента, какъ сдѣлалась извѣстною исторія Тентетникова съ Лѣницынымъ. А исторія случилась вотъ какъ:

Въ одно утро, когда директоръ, подписавъ свое имя на поднесенныхъ ему бумагахъ, закрылъ присутствіе и отправился въ англійскій клубъ, отдохнуть послѣ тяжкихъ служебныхъ трудовъ, въ передней, по обыкновенію, случился Лѣницынъ и пособилъ швейцару подать шинель и галоши его превосходительству,—Тентетниковъ и два пріятеля, игравшіе роли разочарованныхъ и огорченныхъ, случились тутъ же, и были свидѣтелями подаванія шинели и галошъ. Тентетниковъ вспыхнулъ весь благороднымъ негодованіемъ при видѣ этого униженія, но удержался. Вдругъ начальникъ отдѣленія, недовольный, конечно, тѣмъ, что его подчиненные были свидѣтелями подаванія

шинели и галошъ, обратился къ нему съ свойственнымъ начальнику достоинствомъ:

— „Вы, г. Тентетниковъ, съ вашими пріятелями слишкомъ рано оставляете присутствіе. Я уже давно собираюсь замѣтить вамъ это, и нахожу нужнымъ прибавить, что службою вашею я рѣшительно недоволенъ“.

Тентетниковъ еще удержался: — „Я стараюсь, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, въ точности исполнять служебныя обязанности.

— „Вы ихъ, сударь, не понимаете. Вы, я вижу, вольнодумецъ. Первая обязанность службы — должное уваженіе къ начальникамъ; а этого-то въ васъ и нѣтъ“.

Тентетниковъ не выдержалъ: — „Я уважаю тѣхъ, которые заслуживаютъ уваженіе, и которые уважаютъ сами себя. Служу не начальству, а государю и отечеству, и презираю тѣми, которые исполняютъ лакейскія должности у своихъ начальниковъ“.

Говоря это, весь красный, Тентетниковъ сдѣлалъ два шага къ Лѣницыну. Но Лѣницынъ, съ первыхъ словъ, понялъ въ чемъ дѣло, и, какъ человѣкъ благоразумный, шмыгнулъ къ двери, и изъ-за двери показалъ сжатый кулакъ Тентетникову, приговаривая: „хорошо, любезный, вотъ я тебѣ покажу кому ты служишь“.

На другой день Тентетниковъ былъ посаженъ подъ арестъ за то, что, въ поданной имъ къ подписи бумагѣ, слово капиталъ было написано такъ, что можно было принять за капитанъ. Тутъ же объявлено ему было, что если подобныя погрѣшности, доказывающія совершенную неспособность къ службѣ, будутъ замѣчены, то онъ, Тентетниковъ, будетъ исключенъ изъ службы.

На слѣдующій день директоръ департамента призвалъ въ присутствіе Тентетникова, и съ свойственною начальнику строгостью сдѣлалъ выговоръ за то, что имъ, Тентетниковымъ, недоволенъ начальникъ отдѣленія: „Знайте, молодой человѣкъ, было прибавлено съ достоинствомъ, что въ моемъ департаментѣ не терпится ни нерадѣніе, ни неспособность, а болѣе всего непочтительность къ начальству — и если вами недоволенъ такой достойный человѣкъ, каковъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, то этого уже достаточно, чтобы васъ не терпѣть на службѣ. Я вамъ совѣтую подать въ отставку“.

Съ ужасомъ узналъ объ этомъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ: — „Ради самого Христа! подумалъ ли ты съ кѣмъ ты задрался. Ты не долженъ оставлять службу; ты не можешь оставлять службу. Ты обязанъ повиниться и просить прощенія у Ѳеодора Ѳеодоровича“.

— „Я, я буду просить прощенія у этого подлеца! Нѣтъ, дядюшка, вы не захотите моего униженія“.

— „Какое тутъ униженіе, любезнѣйшій, вѣдь онъ начальникъ. Помилуй, Андрюша! Да если смотрѣть на это, что начальникъ выругаетъ, да обижаться этимъ, да бросать службу, такъ этакъ никому бы не пришлось служить. Знаешь ли, братъ, каковъ мой начальникъ, графъ Сидоръ Андреевичъ. Вотъ ужъ, можно сказать, собака, а добрѣйшая, благороднѣйшая душа. Сколько разъ онъ меня, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, называлъ дуракомъ, ну, что дуракомъ, просто по-матерному выругаетъ, и что же? черезъ два часа ничего не помнитъ и опять дружески разговариваетъ, спрашиваетъ скоро ли опять жена отелится“.

— „А вы-то, дядюшка, тоже черезъ два часа ничего не помните? Впрочемъ, къ чему все это? Я болѣе не намѣренъ служить. Это дѣло рѣшеное. У меня есть другая служба: 300 душъ крестьянъ, имѣніе въ разстройствѣ, управляющій дуракъ. Государству немного утраты, что вмѣсто меня другой сядетъ въ канцеляріи переписывать бумаги, но большая потеря, если 300 человѣкъ не заплатятъ податей, или пойдутъ по-міру. Что, вы думаете, я не понимаю всей отвѣтственности передъ Богомъ, отечествомъ и совѣстью за крестьянъ, которыхъ участь ввѣрена мнѣ судьбою. Нѣтъ, дядюшка, я понимаю всю великость, всю святость моихъ обязанностей. Я буду жить въ деревнѣ, улучшу бытъ моихъ крестьянъ, образую ихъ нравственно и религіозно и сдѣлаю изъ нихъ людей, тогда какъ они теперь скоты. Я даже упрекаю себя за потерянное время на службѣ. Я бы уже успѣлъ многое сдѣлать. Но я сдѣлаю, непремѣнно сдѣлаю“.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ. Онъ непонималъ жизни безъ службы и былъ увѣренъ, что молодой человѣкъ въ деревнѣ, пропащій человѣкъ. Онъ подумалъ немного и началъ въ такомъ родѣ: „Но все-же-таки.. но какъ-же-таки... запропастить себя въ деревнѣ? И какое общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь, все-таки, на улицѣ попадется генералъ, князь — пройдешь мимо какого-нибудь... тамъ, ну, все-таки, нѣкоторымъ образомъ облагораживаешься. Ну, и главное, столица, просвѣщенная Европа, просвѣщеніе... ну, а тамъ, все что ни попадется, все это или мужикъ, или баба. Помилуй, Андрюша, не губи себя. Ну посмотри на меня, ну что былъ бы я безъ службы, ну что? а теперь имѣю, благодаря Творца, и чинъ, и почетный крестъ; и подчиненные боятся и начальство подъ часъ ласкаетъ“.

„Хорошо тебя ласкаетъ твой графъ Сидоръ Андреевичъ“, подумалъ про себя Тентетниковъ и прибавилъ вслухъ:

— „Дядюшка, вы напрасно теряете время, я рѣшился, и дѣло кончено“.

— „Такъ пропадай же ты себѣ въ деревнѣ, живи съ мужиками да съ бабами, умирай губернскимъ секретаремъ и не знай меня“, сказалъ сердито дядя, плюнулъ, хлопнулъ дверью и ушелъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого разговора Тентетниковъ былъ уже въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, приближался къ тому прекрасному уголку, которымъ не могъ вдоволь налюбоваться гость-посѣтитель. По мѣрѣ приближенія въ душѣ его стали просыпаться дѣтскія впечатлѣнія. И вдругъ забилось у него сердце. И ему живо представились всѣ подробности его счастливаго дѣтства; и онъ увидѣлъ себя малюткою, котораго велъ за руку отецъ, гуляя по полямъ; и онъ увидѣлъ мать, выходящую на встрѣчу отцу, возвращающемуся съ усталымъ малюткой, и онъ почувствовалъ себя на рукахъ матери, которая прижимала его къ сердцу и спрашивала съ нѣжностью, не слишкомъ-ли онъ усталъ; и невольныя слезы брызнули изъ глазъ Андрея Ивановича, и онъ упрекнулъ себя въ томъ, что въ первый разъ только вспомнилъ о родителяхъ, что до сихъ поръ не поклонился даже ихъ праху.

Тентетниковъ; въѣхалъ въ деревню, славно застроенную; подъѣхалъ къ прекрасному господскому дому, окруженному дивнымъ, густо-разросшимся садомъ, и восхищенный всѣмъ, что видѣлъ, назвалъ себя пошлымъ дуракомъ за потерянное время на службѣ въ переписываніи бумагъ. „Экой я былъ болванъ, экой пошлый дуракъ! Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я, дуракъ, закабалилъ себя въ кропатели мертвыхъ бумагъ. Хорошо, что не послушался увѣщаній дяди. Да и спасибо подлецу Лѣницыну, что выгналъ меня изъ службы“.

На другой день, узнавъ о пріѣздѣ барина, мужики и бабы собрались къ крыльцу.

Сороки, кичьки, повойники, зипуны, бороды всѣхъ родовъ: заступомъ, лопатою и клиномъ, рыжія, русыя, бѣлыя какъ серебро, покрыли весь дворъ. Мужики загремѣли: „Кормилецъ, дождались мы тебя!“ Бабы заголосили: „золото, серебро ты сердечное“. И всѣ подходили къ нему и кланялись въ ноги.

Тентетникову не понравилось это униженіе человѣческаго достоинства. Онъ остановилъ низкіе поклоны и сталъ говорить мужикамъ рѣчь о томъ, что „человѣкъ долженъ уважать себя и не унижаться передъ равнымъ себѣ существовомъ, что онъ такой-же человѣкъ какъ и они,—что онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы ихъ просвѣтить и осчастли-

вить". И многое говорилъ имъ Тентетниковъ въ духѣ равенства и свободы, о которомъ начитался въ книгахъ.

Мужики слушали и ничего не понимали. Но на вопросы, которые по временамъ дѣлалъ Тентетниковъ, приговаривая безпрестанно: „не правда-ли мои друзья?" бормотали: „вѣстимо родимый".

Баринъ приказалъ угостить мужиковъ водкою и закускою.

Пошла попойка и разговоры.

— „А что, дядя Пахомъ, баринъ-то говоритъ красно"?

— „Ну, извѣстно что красно, вѣдь ихъ только тому и учатъ".

— „А что, бишь, онъ говорилъ, я стоялъ подальше и не разслышалъ?"

— „Ну, а Богъ его вѣдаетъ, что онъ баялъ. Что-то похоже на то, какъ отецъ Аѳанасій въ церкви баетъ. Вѣстимо книжки; это не по намъ".

Бабы тоже разсуждали: „Ишь какой онъ добренькій, и въ ноги-то кланяться недаетъ. А ужъ молодецъ какой. И все говоритъ: Полюбите меня, полюбите, да и посматриваетъ на дѣвокъ. Ишь ты какой, весь въ покойника отца".

Тентетниковъ хотѣлъ-было серьезно приняться за управленіе имѣніемъ, но скоро все это страшно ему опротивѣло.

Мужики поняли, что баринъ ничего не смыслитъ по хозяйству и стали его надувать. Прикащикъ обокрадывалъ немилосердно. Ключница—тоже; буфетчики—тоже. Всѣ они смекнули, что баринъ доброе существо, но лѣнивъ и безъ энергіи. Съ перваго же дня, они замучили его вопросами, какъ и что дѣлать прикажетъ, и донесеніями о томъ, что каждымъ изъ нихъ сдѣлано.

Ему, занятому мыслями объ усовершенствованіи человѣка вообще, и русскаго въ особенности, всѣ эти мелочи деревенскаго хозяйства показались до того тягостными и противными, что онъ скоро запретилъ и говорить о хозяйствѣ. Хозяйство пошло своимъ порядкомъ, подъ наблюденіемъ плута-прикащика. Въ-полгода все надоѣло Тентетникову. Виды на прекрасныя окрестности надоѣли; чудесный садъ надоѣлъ. Охота надоѣла. Деревенскія красавицы, къ которымъ Андрей Ивановичъ обращался въ рѣчи своей съ словами: полюбите меня, полюбили и страшно надоѣли. Вздумалъ-было искать развлеченія въ знакомствѣ съ сосѣдями—и это надоѣло. Заниматься книгою не надоѣло, и она одна спасала молодого человѣва отъ отчаянія—и онъ сосалъ ее по цѣлымъ днямъ.

Одно обстоятельство чуть-было неразбудило его и чуть-было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ.

Въ сосѣдствѣ, въ 10-ти верстахъ, проживалъ генералъ Бетрищевъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не весьма благосклонно о Тентетниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали къ нему изъявлять почтеніе, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ русскія книги и имѣлъ дочь, удивительное существо. Иногда случается человѣку увидѣть во снѣ что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезитъ этимъ сновидѣніемъ. Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно: ее учила англичанка-гувернантка, незнавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ; отцу некогда было заниматься дочкой: онъ служилъ. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее, и потому хорошо, что судьба помѣшала ему заниматься ея воспитаніемъ. Наружностью Улинька была удивительно изящное существо. Душевными качествами она плѣняла всякаго. Это была олицетворенная прямота. Чувство справедливости, благороднаго негодованія противъ всего неблагороднаго были въ ней развиты въ высшей степени. Состраданіе къ несчастнымъ не имѣло предѣловъ. При первой просьбѣ она бросала просившему все, что имѣла, неподумавши что неприлично бросить кошелекъ со всѣмъ что въ немъ было. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, въ ней, казалось, все стремилось за мыслію: выраженіе лица, выраженіе разговора, движеніе рукъ, самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ во слѣдъ за собственными словами. Ни предъ кѣмъ она не боялась обнаружить свои мысли, и никакая сила не могла заставить ее молчать, когда ей хотѣлось говорить. Тентетникову не могла непонравиться Улинька. Онъ влюбился въ нее по-своему, лѣниво, флегматически, но все-таки влюбился и рѣшился просить руки; но не дошло до этого. Генералъ сначала принималъ Тентетникова довольно хорошо и радушно; но сойтись между собою они не могли. Разговоры оканчивались всегда почти споромъ и сопровождались какими-то непріязненными ощущеніями съ обѣихъ сторонъ; потому что генералъ, какъ генералъ, не любилъ противорѣчій и возраженій; а Тентетниковъ, какъ человѣкъ проникнутый уваженіемъ къ своему человѣческому достоинству, не любилъ признавать деспотическую власть генерала въ сужденіяхъ. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ кое-какъ держался, покуда не пріѣхали къ генералу родственницы, графиня Бордырева и княжна Юзякина, отставныя фрейлины прежняго двора, удержавшія и до нынѣ кое-какія связи въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этихъ связей генералъ передъ ними немножко подличалъ. Тентетни-

кову показалось, что съ пріѣзда ихъ генералъ сталъ къ нему холоднѣе, не замѣчалъ его и обращался съ нимъ слишкомъ небрежно, употребляя даже повременамъ выраженія:

„Любезнѣйшій, послушай братецъ“. Одинъ разъ даже онъ сказалъ ему „ты“. Это взорвало Тентетникова. Стиснувъ зубы, онъ сказалъ учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его, и все внутри его кипѣло: „Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ ты вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ ты. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамильярному обращенію“.

Генералъ смутился. Но какъ генералу не приходилось остаться въ дуракахъ передъ молокососомъ, то онъ запинаясь сказалъ, что слово ты было сказано имъ не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку: ты. (О чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова). Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство ихъ кончилось, и любовь Тентетникова прекратилась при самомъ началѣ. Потухнулъ блеснувшій-было на минуту свѣтъ, и все поворотило на жизнь, которую читатель видѣлъ въ началѣ главы: на лежаніе и бездѣйствіе. Въ домѣ водворились по прежнему гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась посреди комнаты по цѣлымъ днямъ, вмѣстѣ съ соромъ.

Панталоны заходили иногда въ гостинную.

Опять начали убирать и кабинетъ и спальню черномазыя Палашки и Авдотки, которымъ, на время любви къ Улинькѣ, былъ запрещенъ входъ въ комнаты барина.

Скука вновь одолѣла Андрея Ивановича!

Взявши перо въ руки съ тѣмъ, чтобы позаняться сочиненіями объ усовершенствованіи человѣческаго рода вообще и русскаго народа въ особенности, Тентетниковъ чертилъ имъ на бумагѣ каракульки, или же выписывалъ: милостивый государь! съ восклицательными знаками или: вашъ покорный слуга Андрей Тентетниковъ. Иногда перо чертило само собою, безъ вѣдома хозяина, головку, повидимому женскую, въ которой однакоже не узнала бы себя Улинька: Тентетниковъ рисовалъ плохо.

Таково было состояніе души Андрея Ивановича однажды, когда онъ, по обычаю, подходилъ съ трубкою и чашкою въ рукахъ къ окну, но къ удивленію своему не слышалъ ни Григорья, ни Перфильевны. Выглянувъ въ окошко, онъ замѣтилъ какое-то необыкновенное движеніе и суету. Поваренокъ и поломойка бѣжали отворять ворота. Въ воротахъ показались лошадиныя морды, точно какъ онѣ смотрятъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво,

и морда на срединѣ. За мордами послѣдовали и самые кони, а за ними на козлахъ кучеръ и лакей въ широкомъ сюртукѣ, подпоясанный носовымъ платкомъ. За ними господинъ въ картузѣ и шинели. закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ остановился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое какъ легкая ресорная бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо, съ быстротою и ловкостью почти военнаго человѣка.

Вошедши въ комнату, гость раскланялся съ такою же ловкостью, почти военнаго человѣка, сохраняя наклоненіе головы нѣсколько на бокъ. Въ короткихъ, но опредѣленныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностью и любознательностью; что государство наше, которому по обширности не представляютъ равнаго даже отдаленныя времена древности, изобилуетъ замѣчательными предметами, не говоря уже объ изобиліи промысловъ и разнообразія почвъ; что въ проѣздъ свой по здѣшнему краю, онъ увлекся картиннымъ мѣстоположеніемъ деревни Тентетникова; что, несмотря однакожъ на мѣстоположеніе, онъ не дерзнулъ бы обезпокоить его, еслибы не случилось, по поводу весеннихъ разливовъ и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ его экипажѣ, требующей починки; что, впрочемъ, онъ чрезвычайно обязанъ этой изломкѣ, доставляющей ему случай засвидѣтельствовать личное почтеніе Андрею Ивановичу. Окончивъ рѣчь, гость съ обворожительной пріятностью подшаркнулъ ногою, обутой въ щегольской лакированный полусапожекъ, застегнутый на перламутровыя пуговки, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ-же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика.

Озадаченный сначала неожиданнымъ пріѣздомъ гостя, Андрей Ивановичъ успокоился, заключивъ изъ словъ его, что это долженъ быть какой-нибудь ученый, собирающій растенія или предметы ископаемые. И даже обрадовался при этой мысли, и вознамѣрился удержать подольше ученаго, котораго общество развлечетъ его вѣчную, неодолимую скуку. Онъ поблагодарилъ случай, доставившій ему знакомство съ такимъ человѣкомъ, изъявилъ готовность споспѣшествовать во всемъ, предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ, просилъ распоряжаться какъ бы въ собственномъ домѣ и пробыть въ немъ какъ можно дольше, отдохнуть съ дороги и переждать время весеннихъ разливовъ и дурныхъ дорогъ. Гость принялъ обязательное предложеніе и былъ усаженъ въ большія вольтеровскія кресла. Андрей Ивановичъ занялъ другое напротивъ, предложилъ чашку чая и при-

готовился слушать разсказъ по части естественной исторіи, которой онъ когда-то тоже учился въ заведеніи Ѳеодора Ивановича.

Но гость не говорилъ о предметахъ естественной исторіи и скоро Андрей Ивановичъ убѣдился, что онъ ѣздитъ по Россіи не для собиранія букашекъ, замѣчательныхъ растеній и ископаемыхъ предметовъ. Гость повелъ рѣчь о событіяхъ міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы, поворотилъ разговоръ къ своей особѣ, уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что даже сама жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ такого, изъ чего можно было заключить, что онъ практическій человѣкъ. Въ заключеніе рѣчи высморкался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще не слыхивалъ. Подчасъ попадется въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ; точно такой-же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома и немедленно за нимъ воспослѣдовало благоуханіе одеколона, невидимо распространенное ловко встряхнутымъ батистовымъ платкомъ.

Андрею Ивановичу показался гость весьма интереснымъ человѣкомъ; онъ повторилъ приглашеніе остаться подольше у него въ гостяхъ и переждать время дурныхъ дорогъ. — Гость принялъ предложеніе.

Читатель вѣроятно догадался, что гость былъ никто другой, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ; какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Однакоже выраженіе лица, приличное обхожденіе остались все тѣже. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ; еще ловче подвертывалъ ножку подъ ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выборѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженіяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣе и чище снѣга были на немъ воротничекъ и манишка, и, несмотря на то, что онъ былъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, хоть бы сейчасъ на именинный обѣдъ.

Щеки и подбородокъ были такъ выбриты, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятною выпуклостью и круглостью ихъ.

Послѣ чашки чаю, хозяинъ проводилъ гостя въ назначенные для него покои.—Въ домѣ произошло преобразованіе. Половина его, до толѣ пребывавшая въ слѣпотѣ съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Въ прояснившихся комнатахъ все начало раз-

мѣщаться. Комната, назначенная быть спальней Чичикова, вмѣстила въ себѣ вещи необходимыя для ночного туалета. Комната, назначенная быть кабинетомъ... но прежде необходимо было знать, что въ этомъ кабинетѣ было три стола: одинъ письменный передъ диваномъ, другой ломберный между окнами передъ зеркаломъ, третій угольный, въ углу между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ, служащій теперь переднею, съ инвалидною мебелью. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось Чичиковымъ вынутое платье, а именно: панталоны подъ фракъ, панталоны черныя, панталоны сѣренькія, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака (жилеты же бѣлаго пике и лѣтнія брюки отошли къ бѣлью въ комодъ). Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой, и прикрылось сверху шелковымъ носовымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядомъ сапоги: одни не совсѣмъ новые, другіе совсѣмъ новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо завѣсились платкомъ, — такъ какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ передъ диваномъ тотчасъ размѣстились въ большомъ порядкѣ: шкатулка, портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубная щетка, новый календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодѣ, находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало отдать прачкѣ, было завязано въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенія страха ворамъ, была повѣшена тоже въ спальнѣ на гвоздѣ недалеко отъ кровати. Все приняло видъ необыкновенной чистоты и опрятности. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился. Утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, ходитъ въ баню и вытираетъ себя мокрою губкою по воскресеньямъ.

Въ переднемъ залѣ покушался-было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро былъ перемѣщенъ въ кухню, какъ оно и слѣдовало.

(Далѣе въ рукописи, по сличеніи съ изд. 1855 г. стр. 39—58, и изд. 1857 г. стр. 284—293; тамъ же стр. 423—433—нѣтъ никакой перемѣны до того мѣста во II-й главѣ, когда разсказывается о пріѣздѣ Чичикова къ генералу Бетрищеву и передается его разговоръ).

ГЛАВА II.

(Послѣднія слова Чичикова при представленіи генералу):

Терпѣніемъ, можно сказать, повитъ и спеленанъ, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣніе, ваше превосходительство“.

Генералу видимо понравился этотъ кудрявый слогъ. Онъ заключилъ, что Чичиковъ ученый и образованный человѣкъ.

— „Что же, вы оставили службу совершенно или намѣрены еще служить?

— Оставилъ, ваше превосходительство, совершенно оставилъ. Служилъ, ваше превосходительство, по мѣрѣ силъ моихъ и по указанію совѣсти. Имѣлъ несчастье встрѣтить враговъ, завистниковъ моей безукоризненной, добросовѣстной службы. Сколько перенесъ отъ нихъ, покушавшихся на самую жизнь, того ни слова́, ни краски, ни даже самая кисть не съумѣетъ передать.

Генералъ подумалъ: должно быть достойный человѣкъ. Человѣкъ съ истинными достоинствами непремѣнно, встрѣтивши на службѣ зависть и недоброжелательства, броситъ службу. Только дураки, да подлецы умираютъ на службѣ, и пожалуй дослуживаются и до генералъ-губернаторовъ.

— „Что же вы намѣрены теперь дѣлать съ собою?

— На склонѣ жизни, ваше превосходительство, ищу уголка, гдѣ бы провести остатокъ дней. Ѣзжу по Россіи, осматриваю и изучаю наше благословенное отечество, которое по пространству не уступитъ даже ни одному изъ древнихъ государствъ. Судьба привела меня въ здѣшній край, а случай заставилъ на время поселиться у близкаго сосѣда вашего превосходительства.

— „У кого это?“

— У Тентетникова, ваше превосходительство.

Генералъ поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, чрезвычайно, раскаивается въ томъ, что не показалъ должнаго уваженія...

— „Къ чему“?

— Къ заслугамъ вашего превосходительства.... Не находитъ словъ.... Говоритъ, если бы я только могъ передъ его превосходительствомъ чѣмъ-нибудь.... потому что поздно, говоритъ, научился цѣнить мужей спасавшихъ отечество, говоритъ.

— „Послушайте, что же онъ? Да вѣдь я не сержусь, сказалъ смягчившійся генералъ.—Въ душѣ моей я даже искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ“.

— Совершенно справедливо изволите выражаться, ваше превосходительство. Истинно, преполезный можетъ быть человѣкъ, и съ даромъ слова, и владѣетъ перомъ.

— „Ну, пишетъ-то онъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки.

— Ни какъ нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... Онъ что-то дѣльное пишетъ... Исторію, ваше превосходительство.

— „Исторію? О чемъ исторію?

— Исторію.... Тутъ Чичиковъ замялся. И отъ того-ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или просто, чтобъ придать болѣе важности предмету, прибавилъ: исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— „Какъ о генералахъ, о какихъ генералахъ?...

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнулъ и мысленно сказалъ себѣ: и, Господи Боже мой, что это за вздоръ несу я?

— „Извините, я не очень понимаю... Что-жъ это выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи: и притомъ всѣхъ-ли генераловъ, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?

— Именно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году. Приговаривая это, онъ подумалъ: Боже мой, да что-жъ это вру я, несчастный?

— „Такъ что-жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ. Я могъ бы сообщить ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ. Вѣдь, если онъ ограничится одними печатными свѣдѣніями, какимъ-нибудь Михайловскимъ-Данилевскимъ, то пропуститъ не одного истинно отличившагося на полѣ чести въ это достославное время.

Генералъ очевидно намекалъ на самого себя, о доблестяхъ котораго какъ-то забылъ сказать Михайловскій-Данилевскій.

— Робѣетъ, ваше превосходительство, послѣ случившагося въ домѣ вашего превосходительства, рѣшительно робѣетъ.

— „Какой вздоръ! изъ-за какого-нибудь пустого слова.... да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, готовъ самъ къ нему заѣхать.

— Онъ не допуститъ до этого ваше превосходительство, онъ самъ пріѣдетъ — сказалъ Чичиковъ, совершенно оправясь, ободрившись и подумавши: Экая оказія! Какъ генералы пришлись кстати, а вѣдь языкъ-то взболтнулъ съ дуру.

(Отсюда нѣтъ перемѣны противъ изд. 1855 г. стр. 61 — 69; изд. 1857 г. стр. 294 – 299, и 435 — 439; гдѣ генералъ говоритъ):

— Полюби насъ черпенькими а бѣленькими насъ всякой полюбитъ.... Очень, очень хорошо! — Любятъ, любятъ, точно любятъ поощренье, продолжалъ генералъ.

Погладь, погладь его! а вѣдь безъ поощренья такъ и красть не станетъ.... ха, ха, ха!

Чичиковъ былъ въ неописанномъ духѣ. Онъ смекнулъ, что генералъ весельчакъ и добрякъ, и что подтакивая ему, да подслуживая, можно всего добиться.

Разсчитывая уже мысленно какую пользу можно будетъ извлечь изъ этого для себя собственно, онъ рѣшился теперь устроить дѣло Тентетникова. Когда камердинеръ удалился, генералъ заговорилъ: — „Такъ твой Тентетниковъ занимается исторіею объ отечественныхъ генералахъ. Что-же, это хорошее дѣло; это дѣлаетъ честь молодому человѣку. Наша молодежь, неслужащая, только и знаетъ что картишки, да шампанское, да невинныя развлеченія съ Палашками, да Агашками.“

— Я вамъ доложу, ваше превосходительство, что Андрей Ивановичъ рѣдкій молодой человѣкъ. И состояніе у него прекрасное — одного только ему недостаетъ.

— „Чего же это?

— Подруги жизни.

— „Что же онъ не женится?

Чичиковъ немного промолчалъ. Потомъ какъ бы собравшись съ мыслями, сказалъ:

— Вы мнѣ простите, ваше превосходительство, мою дерзость?

— „Что такое?

— Съ вашимъ умомъ, съ вашею проницательностью, ваше превосходительство, конечно вы не могли не замѣтить, что Андрей Ивановичъ крайне неравнодушенъ къ прелестному, дивному созданію— къ вашей дочери. Онъ льстилъ себя надеждою, что ваше превосходительство не откажете ему въ величайшемъ для него счастіи, и назовете его своимъ сыномъ. Непростительная, неумѣстная гордость съ его стороны, въ которой впрочемъ онъ сильно раскаевается, испортила все дѣло.—Генералъ призадумался.

— „Послушайте любезнѣйшій, сказалъ наконецъ онъ, я люблю быть откровеннымъ. Я не нахожу ничего предосудительнаго въ вашемъ пріятелѣ. Признаю его человѣкомъ неглупымъ. Происхожденіе и состояніе его меня удовлетворяетъ. Хозяинъ онъ плохой, но это слѣдствіе молодости и неопытности. Я ему не разъ твердилъ, что русскій мужикъ и человѣкъ — двѣ вещи совершенно различныя, и что его филантропія совершенная дичь. Онъ не соглашался со мною, но согласится со временемъ. Относительно гордости, которая была причиной нашей размолвки, я даже цѣню эту гордость, это уваженіе къ себѣ, въ особенности когда онъ самъ сознается, что она иногда неумѣстна въ отношеніи къ людямъ, имѣющимъ свои заслуги передъ отечествомъ. При всемъ томъ, не имѣя ничего противъ Тентетникова, я предоставляю моей дочери свободный выборъ. Она у меня одна и я не стану ее неволить.

— Стало быть, ваше превосходительство, еслибы дочь ваша, это дивное, прелестное созданіе, была согласна...

— „Я не имѣю ничего противъ г-на Тентетникова.

Чичиковъ бросился къ генералу и поцѣловалъ въ звѣзду на груди.

Доложили что подано на столъ. Генералъ провелъ Чичикова въ столовую, представилъ сестрицамъ княжнамъ, назвавъ его Чижиковымъ. Чичиковъ раскланялся съ ловкостью совершенно военнаго человѣка, и на французскій привѣтъ сестрицъ княженъ, пробормоталъ что-то, какъ будто бы французскими звуками. Читатель знаетъ, что по-французски онъ не зналъ ни бельмеса. За обѣдомъ генералъ былъ немного задумчивѣе. Подъ конецъ, однакожъ, развеселился и разсказалъ сестрицамъ княжнамъ симпатическій анекдотъ. Княжны не нашли въ немъ ничего забавнаго, можетъ быть, потому что разсказывалъ не самъ Чичиковъ, который, какъ мы видѣли, былъ мастеръ разсказывать.—Все время Чичиковъ велъ себя совершенно прилично.

Въ тотъ же вечеръ онъ воротился къ Тентетникову. Андрей Ивановичъ встрѣтилъ его на крыльцѣ и повидимому ожидалъ съ нетерпѣніемъ.

— Ну, Андрей Ивановичъ, сердитесь на меня если хотите, но я обвороженъ генераломъ.

— „Да я и самъ нахожу, что онъ человѣкъ почтенный, но гордость его...

— Не договаривайте пожалуйста. Знаете ли вы что онъ самъ къ вамъ собирался сегодня?

— „За чѣмъ?

— Доказать вамъ, что онъ не гордъ; что онъ васъ цѣнитъ и уважаетъ; что для него крайне больно, что одно пустое слово поселило между вами размолвку.

— „Онъ хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать первый?

— Ужъ были поданы лошади, когда я пріѣхалъ.

— „Такъ стало быть я въ немъ ошибся. Я поправлю мою ошибку и завтра же предупрежду его.—Видѣли вы Уленьку?

— Дивное, прелестное созданіе. Знаете Андрей Ивановичъ, вы родились въ рубашкѣ. Соединить въ себѣ и молодость, и умъ, и красоту, и состояніе, и найти подругу жизни подобную Уленькѣ... Это такія блага, которыя не всякому посылаются судьбою.

Тентетниковъ вскочилъ со стула и сталъ быстро прохаживаться.

— „Такъ вы думаете, что онъ не откажетъ?

— Не думаю, а увѣренъ въ этомъ.

— „Увѣрены?

— Увѣренъ, потому что изъ любви къ вамъ, изъ преданности

вамъ, я обдѣлалъ за васъ ваше дѣло. Да, я рѣшился сказать генералу то, что помѣшала вамъ сказать ваша гордость: что вы желаете, что вы сочтете счастьемъ для себя назваться его сыномъ.

— „Вы это ему сказали, Павелъ Ивановичъ?

— Сказалъ, Андрей Ивановичъ, потому что не могъ перенести мысли, что два созданія, такія какъ вы и Уленька, самою судьбою назначенныя одно для другого, разлучены по поводу гордости человѣка, достойнѣйшаго впрочемъ, но до крайности щекотливаго.

— „Вы сказали... и генералъ...

— Генералъ сказалъ то, что сказалъ бы всякій на его мѣстѣ: что онъ цѣнитъ Андрея Ивановича, что онъ увѣренъ въ счастьи Уленьки съ Андреемъ Ивановичемъ...

Тентетниковъ не далъ договорить и бросился на шею Павлу Ивановичу.

— „Вы мой благодѣтель, вы мой лучшій другъ — я никогда не забуду оказанной вами услуги.

Чичиковъ позволилъ себя расцѣловать и даже самъ выронилъ слезу—но тутъ же подумалъ: хорошо братъ, даромъ-то я ничего не дѣлаю; и ты и твой генералъ отблагодарите меня посущественнѣе.

До поздней ночи продолжался разговоръ Чичикова съ Тентетниковымъ.—Нужно было сказать про исторію о генералахъ, и это крайне затрудняло Павла Ивановича знавшаго, что Тентетниковъ лгать не любитъ. Однакожъ и это сошло благополучно. Передавая разговоръ свой съ генераломъ, Чичиковъ сказалъ, что генералъ интересовался знать чѣмъ занимается Тентетниковъ дома, и что онъ, Чичиковъ, сказалъ, что Андрей Ивановичъ сочиняетъ что-то серьезное, кажется въ историческомъ родѣ. Тогда генералъ сказалъ: похвальное занятіе; у насъ не разработана исторія самаго интереснаго времени, времени борьбы Россіи съ непріятелемъ въ 12-мъ году. Тогда Чичиковъ сказалъ, что, кажется, не это-ли время и взялъ Андрей Ивановичъ за предметъ своихъ разслѣдованій. Это извѣстіе чрезвычайно обрадовало генерала, который даже обѣщался сообщить много, ему только извѣстныхъ подробностей о 12-мъ годѣ.

— „Помилуйте, сказалъ Тентетниковъ, да за что же это, да я никогда и не думалъ заниматься исторіею 12-го года.

— Знаю, любезнѣйшій, знаю, что вы занимаетесь исторіею человѣчества вообще. Но посудите, генералъ, русскій генералъ, пойметъ ли онъ важность, пользу вашихъ изслѣдованій. Иное дѣло исторія о генералахъ. Это ему понятно, онъ самъ генералъ. Да притомъ же что такое? Вѣдь вы ученый человѣкъ; вѣдь вы можете написать исторію не только 12-го, но какого угодно года! И почему же не напи-

сать, когда будущему вашему тестю, отцу вашей Уленьки, желательно имѣть истинную исторію 12-го года, и когда онъ доставитъ вамъ всѣ нужные матеріялы, ему только извѣстные, которые безъ того остались бы никому неизвѣстными.

Тентетниковъ подумалъ что дѣйствительно полезно было бы, для отечественной исторіи, собрать матеріялы къ исторіи 12-го года, извѣстные одному только его будущему тестю, отцу его Уленьки, и рѣшился воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ. Въ сущности ему все равно было что ни писать, потому что до сихъ поръ онъ занимался однимъ только обдумываніемъ сочиненія.

— „Генералъ говорилъ, продолжалъ Чичиковъ, что вы не должны ограничиваться однѣми печатными свѣдѣніями и оффиціальными документами, какимъ-нибудь Михайловскимъ-Данилевскимъ, потому что Данилевскій, изъ пристрастія, пропустилъ многихъ, достойныхъ исторіи, генераловъ.

— Ну, вотъ видите, Павелъ Ивановичъ, въ какое положеніе вы меня поставили вашею излишнею ревностью; генералъ станетъ говорить со мною о генералахъ 12-го года и о Данилевскомъ, а вѣдь я и не читывалъ Данилевскаго.

— „Что-же за бѣда, Андрей Ивановичъ. Почему же не угодить вашему будущему тестю, отцу вашей Уленьки. А то что онъ станетъ съ вами говорить о генералахъ 12-го года и о Данилевскомъ, рѣшительно ничего не значитъ. Вы только дайте ему говорить, да соглашайтесь, и пожалуй, повременамъ вверните, что у Михайловскаго-Данилевскаго это совсѣмъ иначе изложено.

Тентетникову не совсѣмъ нравился этотъ совѣтъ; но нечего было дѣлать. Онъ видѣлъ, что Чичиковъ, добрѣйшая, благороднѣйшая душа, изъ усердія зашелъ немножко далеко и рѣшился, ради Уленьки, сдѣлаться исторіографомъ 12-го года.

Изъ переданнаго разговора Чичиковымъ, Тентетниковъ заключилъ что теперь все дѣло въ полученіи согласія Уленьки, и рѣшился не откладывать въ дальній ящикъ. На другой же день, онъ отправился вмѣстѣ съ Чичиковымъ къ генералу. Генералъ встрѣтилъ его въ гостиной, взялъ его за обѣ руки, поблагодарилъ за то, что его предупредилъ, усадилъ въ кресла и не вспомнилъ ни слова о размолвкѣ; явились дамы, чопорныя сестрицы, графиня и княжна, по всегдашнему желтыя, и дивное, прелестное созданіе, Уленька, съ румянцемъ на щекѣ, доказывавшимъ, что послѣ отъѣзда Чичикова былъ коекакой разговоръ съ папашей насчетъ сердечныхъ обстоятельствъ, и что цѣль пріѣзда Андрея Ивановича не совершенно ей неизвѣстна.

За столомъ генералъ былъ необыкновенно разговорчивъ.

(Далѣе въ нашей рукописи, какъ и въ печатныхъ изданіяхъ 1855 и 1857 гг.

пропущены: бесѣда о генералахъ 12-го года, помолвка Улиньки за Тентетникова; ея молитва, плачъ на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. — По порученію Бетрищева, Чичиковъ отправляется къ родственникамъ, для извѣщенія о помолвкѣ дочери, и ѣдетъ къ одному изъ нихъ — полковнику Кошкареву).

ГЛАВА III.

Если полковникъ Кошкаревъ точно сумасшедшій, то это недурно, говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ и пространныхъ полей, когда все исчезло и остались только одинъ небольшой сводъ да два облака въ сторонѣ.

— „Ты, Селифанъ, распросилъ-ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволъте видѣть, такъ все хлопоталъ около коляски, что мнѣ некогда было, а Петрушка спрашивалъ у кучера.

— „Вотъ и дуракъ! На Петрушку сказано не полагаться. Петрушка бревно, Петрушка глупъ, Петрушка чай и теперь пьянъ.....

— Вѣдь тутъ не мудрость какая, сказалъ Петрушка полуоборотясь и глядя искоса — окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ.

— „А ты окромѣ сивухи ничего въ ротъ не бралъ. Хорошъ, очень хорошъ! Ужъ вотъ, можно сказать, удивилъ красотою Европу.

Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ подбородокъ свой и подумалъ: „Какая, однакожъ, разница между просвѣщеннымъ дворяниномъ и грубою лакейскою физіогноміей“.

Между тѣмъ, коляска стала спускаться; открылись луга и пространства усѣянныя осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругихъ рессорахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ, и наконецъ понесся лугами, мимо мельницъ, то съ легкимъ громомъ по мостамъ, то съ небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли, и хотя-бы одинъ бугорокъ или кочка дали себѣ почувствовать бокамъ. Утѣшеніе, а не коляска!

Быстро пролетали мимо тонкія ольхи и серебряные тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ, Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно онѣ сбрасывали картузъ, который летѣлъ къ Чичикову, а иногда и на земь, такъ что суровый служитель долженъ былъ соскакивать съ козелъ и поднимать картузъ. Выбивая пыль изъ картуза и нахлобучивая на голову, Петрушка бранилъ глупыя деревья и хозяина, который посадилъ ихъ, но придержать рукою картузъ не хотѣлъ, надѣясь, что это уже послѣдній разъ, и что больше

не случится. Къ деревьямъ скоро присоединилась осина, береза, ель. Лѣсъ затемнѣлъ и готовился превратиться въ ночь. Но вдругъ отовсюду промежъ вѣтвей и пней сверкнули проблески свѣта, какъ-бы сіяющаго зеркала. Деревья зарѣдѣли. Вотъ передъ ними озеро, водная равнина, версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу надъ озеромъ высыпала сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ: съ противнаго берега тащили неводъ. Случилась оказія: вмѣстѣ съ рыбою запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой-же мѣры въ вышину какъ и въ толщину, точный арбузъ или боченокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положеніи и кричалъ во всю глотку: Телепень Денисъ! передавай Кузьмѣ! Кузьма! бери конецъ у Дениса. Ненапирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туда, гдѣ Ѳома Меньшой!... Говорю вамъ, оборвете сѣти!".

Арбузъ, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ-бы ни кувыркался, желая потонуть, вода все вытащила-бы его на верхъ. И если-бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ, какъ упрямый пузырь, остался-бы съ ними на водѣ, слегка только покряхтывая подъ ними, да пуская носомъ волдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобъ не оборвался неводъ и не ушла рыба и потому, сверхъ прочаго, тащили и его, накинутыми веревками, нѣсколько человѣкъ стоявшихъ на берегу.

— Долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ, сказалъ Селифанъ, указывая кнутомъ на плавающій пузырь.

— Почему?

— Потому, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣе чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Между тѣмъ притащили значительно барина, запутаннаго въ сѣти. Почувствовавъ, что можетъ достать до земли ногами,—онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускающуюся съ плотины коляску и въ ней сидѣвшаго Чичикова.

— Обѣдали-ли? закричалъ баринъ, выскоча на берегъ, опутанный въ сѣть, какъ въ лѣтнее время дамская ручка въ сквозную перчатку, держа одну руку надъ глазами, козыркомъ, въ защиту отъ солнца, другую пониже на манеръ медиційской Венеры.

— Нѣтъ, сказалъ Чичиковъ, приподнимая картузъ и раскланиваясь изъ коляски.

— Ну такъ благодарите же Бога!

— А что, спросилъ съ любопытствомъ Чичиковъ, держа надъ головою картузъ.

— А вотъ, что! Брось, Ѳома Меньшой, сѣть, да приподними осетра изъ лоханки! Телепень Кузьма, ступай, подсоби!

Двое рыбаковъ приподняли изъ лохани голову какого-то чудовища.

— Вона какой князь! Изъ рѣки зашелъ, кричалъ круглый баринъ, снимая съ себя сѣти правою рукою и все еще держа лѣвую на манеръ стыдливой Венеры. Поѣзжайте во дворъ, я за вами. Кучеръ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ. Побѣги, Ѳома Большой снять перегородку!.. Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ.

Длинноногій Ѳома Большой, какъ былъ въ одной рубашкѣ, побѣжалъ передъ коляскою, черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы были развѣшены бредни и сѣти: всѣ мужики были рыбаки. Потомъ вынулъ изъ какого-то огорода перегородку. Огородами въѣхала коляска на площадь близъ деревянной церкви. За церковью, подальше были видны крыши господскихъ строеній.

„Чудаковатъ этотъ Кашкаревъ“, думалъ про себя Чичиковъ.

— А вотъ и я здѣсь, раздался голосъ съ боку. Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ подлѣ него, одѣтый. На немъ былъ травянисто-зеленый нанковый сертукъ, желтые штаны, а шея безъ галстуха, на манеръ Купидона. Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ что-то сказать ему, но толстякъ исчезъ.

Дрожки опять показались на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу, раздались снова голоса: Ѳома Большой, да Ѳома Меньшой, Кузьма да Денисъ!

Когда Чичиковъ подъѣхалъ къ крыльцу дома, къ величайшему его изумленію толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрестъ, причемъ, впрочемъ, толстый баринъ не цѣловалъ, а только прикладывалъ къ губамъ Чичикова поперемѣнно то одну, то другую толстыя свои щеки. Чичиковъ точно ткнулся три раза въ мягкую подушку.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ, отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Незнакомъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

— Какъ-же это? Я надѣюсь, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кашкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Вы пріѣхали, слава Богу, не къ нему, а ко мнѣ.... Петръ Петровичъ Пѣтухъ; Пѣтухъ, Петръ Петровичъ, подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ.

— Какъ-же? сказалъ онъ обратясь съ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты, — выпуча глаза, одинъ, сидя на козлахъ, другой стоя у дверцы коляски,—какъ-же это вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано къ полковнику Кашкареву, а вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

— Ребята сдѣлали отлично. Ступайте на кухню, тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки, сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ. Откладывайте коней и ступайте сейчасъ въ людскую.

— Я, право, совѣщусь, такая неожиданная ошибка, проговорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка, живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, не ошибка. Вотъ вы прежде попробуйте каковъ обѣдъ, да потомъ скажете ошибка-ли это? Покорнѣйше прошу, сказалъ, взявши Чичикова за руку и вводя во внутреннія покои.

Изъ покоевъ имъ на встрѣчу вышли двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ выше отцовскаго роста.

— Сыновья мои, гимназисты, пріѣхали на праздники. Николаша, ты побудь съ гостемъ; а ты, Алексаша, ступай со мною. Сказавъ это хозяинъ исчезъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ-же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться; что онъ съ братомъ хочетъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобы въ ней жить.

— Понимаю, подумалъ Чичиковъ, кончите дѣло кандитерскими да бульварами.

— А что, спросилъ онъ вслухъ, въ какомъ состояніи имѣніе вашего батюшки?

— Заложено, сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившись въ гостинной—заложено.

— Плохо, подумалъ Чичиковъ, этакъ скоро не останется ни одного имѣнія. Нужно торопиться.

— Напрасно, однакожъ, сказалъ онъ съ видомъ сожалѣнія, поспѣшили заложить.

— Какъ напрасно, сказалъ Пѣтухъ. Всѣ закладываютъ; говорятъ выгодно. Какъ-же отставать отъ другихъ? притомъ все жить здѣсь. Дай-ка попробую пожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья то же уговариваютъ. Хотятъ столичнаго просвѣщенія.

„Дуракъ, дуракъ", подумалъ Чичиковъ. „Проматывать все, да и дѣтей сдѣлать мотами. Имѣньице порядочное. Поглядишь, и мужикамъ хорошо, и имъ не дурно. А какъ просвѣтишься тамъ у ресторановъ, да по театрамъ, все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ".

— А вѣдь я знаю, что вы думаете, сказалъ Пѣтухъ.

— Что? спросилъ Чичиковъ смутившись.

— Вы думаете: дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ, зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ. Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Неуспѣетъ стриженая дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка, Платонъ Михайлычъ ѣдетъ, сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

— Верхомъ на гнѣдой, подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. Ты думаешь, Алексаша, нашъ игривый хуже его.

— Хуже, не хуже, но выступка все-таки....

— Гдѣ, гдѣ? закричалъ Пѣтухъ, подступивъ къ окну.

— Кто это Платонъ Михайловичъ, спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

— Сосѣдъ нашъ: Платонъ Михайлычъ Платоновъ, прекрасный человѣкъ, отвѣчалъ Алексаша.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату красавецъ, стройнаго роста, глаза темные, волосы свѣтлорусые. Гремя мѣдными ошейниками, мордастый песъ, собака-страшилище, именемъ Ярбъ, вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Обѣдали? спросилъ хозяинъ.

— Обѣдалъ.

— „Чтожъ вы смѣяться, что ли, надомною пріѣхали. Чтожъ мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

Гость усмѣхнувшись сказалъ:

— Утѣшу васъ тѣмъ, что я ничего не ѣлъ за обѣдомъ: вовсе нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ! Еслибы вы видѣли какой осетрище пожаловалъ! какіе карасищи!

— Даже досадно васъ слушать, отчего вы всегда такъ веселы?

— Да отчего-же скучать, помилуйте, сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать, оттого что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте хорошенько пообѣдать.

Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку: прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать; будто ужъ вы никогда нескучали?

— Никогда. Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься, тутъ сейчасъ поваръ; нужно заказывать обѣдъ; тутъ чай; тутъ прикащикъ; тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда, не успѣлъ всхрапнуть, опять поваръ, нужно заказывать ужинъ... Когда же скучать?

Во все время разговора, Чичиковъ разсматривалъ гостя, который изумлялъ его необыкновенной красотой, стройнымъ картиннымъ ростомъ, свѣжестью неиспорченной юности, дѣвственной чистотой, ни однимъ прыщикомъ неопозореннаго лица его. Оно оставалось какъ-то сонно, несмотря на ироническую улыбку, время отъ времени оживляющую его.

— Я также, позвольте замѣтить, сказалъ Чичиковъ, не могу понять, какъ, при такой наружности, какова ваша, скучать. На вашемъ мѣстѣ, я, и всякій, развѣ при ощутительномъ недостаткѣ денегъ..... или въ случаѣ какихъ-нибудь враговъ, готовыхъ покуситься даже на самую жизнь....

— Повѣрьте, прервалъ съ усмѣшкою красавецъ-гость, что для разнообразія я желалъ бы даже имѣть враговъ, хоть какую-нибудь тревогу... Ну хоть бы кто разсердилъ меня! И того нѣтъ. Скучно да и только!

— Ну, можетъ быть, заботы по имѣнію, недостаточность земли или малое количество душъ.

— Ничуть. У насъ съ братомъ земли десять тысячъ десятинъ, а при нихъ болѣе тысячи душъ крестьянъ.

— Странно, непостижимо! Но, можетъ быть, неурожай, болѣзни, много вымерло мужеска пола людей?

— Напротивъ, все въ лучшемъ порядкѣ; братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.

— И при этомъ скучать! Непонимаю! сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

— А вотъ мы скуку сейчасъ разгонимъ, сказалъ хозяинъ. Бѣги, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы намъ поскорѣе онъ прислалъ растегайчиковъ. Да гдѣ-же ротозѣй-Емельянъ— и воръ-Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски.

Дверь растворилась, и ротозѣй-Емельянъ и воръ-Антошка вошли съ салфетками, покрыли столъ и поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Вокругъ подноса съ графинами устави-

лось ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Пѣтухъ пособлялъ слугамъ поскорѣе уставлять закуску.

— Гдѣ же моя рюмка?

На особомъ подносикѣ ротозѣй-Емельянъ подалъ рюмку величиною въ стаканъ. Пѣтухъ взялъ ее въ руки и наливая изъ графина, до самыхъ краевъ, сказалъ обращаясь къ Чичикову:

— Это моя пропорція: ровно столько сколько помѣщается во рту. Пью передъ закуской только одну рюмку, но полномѣрную.

Проговоривъ это онъ мигнулъ Чичикову, открылъ ротъ трубою, закинулъ голову и разомъ опрокинулъ въ себя всю рюмку, такъ что щеки его раздулись, и Чичиковъ испугался не захлебнулся ли хозяинъ. Но хозяинъ не захлебнулся. Пропустилъ горломъ живительную влагу, протянувъ руки съ графиномъ и рюмкою къ Чичикову. Чичиковъ принялъ ихъ и все смотрѣлъ въ глаза хозяина, который, проглотивъ пропорцію, могъ только выговорить:

— Отличная!—и проводя рукою по груди и животу прибавилъ— согрѣваетъ и поощряетъ.

Чичиковъ налилъ себѣ нѣсколько капель живительной влаги и передалъ графинъ Платонову, который вовсе отказался отъ согрѣвающей и поощряющей влаги. За то гимназисты приложились къ ней какъ слѣдуетъ, однакожъ, не изъ батюшкиной пропорціи, а меньшими рюмками. Затѣмъ Петръ Петровичъ налегъ на закуску. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Хозяинъ улепетывалъ все съ необыкновенною скоростью, такъ что масло въ два ручья текло у него по подбородку, а ему некогда было обтереться салфеткою; подчивалъ Чичикова, неразговаривая, потому что ротъ былъ весь набитъ до-нельзя, а только подсовывая то то, то другое, и издавая какіе-то невнятные звуки.

Платоновъ почти незакусывалъ: уткнулъ нѣсколько разъ вилкою въ кусочекъ селедки, подержалъ ее на вилкѣ, укусилъ разъ, другой и заѣлъ кусочкомъ хлѣба. Хозяинъ невыдержалъ:

— Просто аппетитъ пропадаетъ, смотря на васъ, Платонъ Михайловичъ.. Водки не пьетъ, не закусываетъ... и хочетъ, чтобъ скука отъ него отвязалась.

— Помилуйте, Петръ Петровичъ! да закуска портитъ обѣдъ, а я намѣренъ у васъ обѣдать.

— Вздоръ говоритъ, кто говоритъ, что закуска портитъ обѣдъ. Нѣтъ, сударь, закуска располагаетъ къ обѣду, закуска поощряетъ къ обѣду. Разумѣется, какая закуска. А главное, . . чтобы пока закусы-

васпь, разливали супъ въ столовой... это главное... Вы видите, что я не оставляю закуски нарочно, пока не подадутъ на столъ.

— Кушанье готово, доложилъ ротозѣй Емельянъ. Пѣтухъ вскочилъ со стула, захвативши два бутерброта съ языкомъ и швейцарскимъ сыромъ, сложилъ ихъ вмѣстѣ, сунулъ въ ротъ и показалъ рукою гостямъ въ столовую; проговорить ничего не могъ, потому что ротъ былъ набитъ до-нельзя.

Вошли въ столовую, гдѣ, кромѣ ротозѣя-Емельяна и вора-Антошки, находился еще казачекъ Петрушка-мерзавецъ. Названія эти были даны служителямъ Петра Петровича имъ самимъ, такъ себѣ, для поощренья. Баринъ вовсе не хотѣлъ браниться; это они знали; онъ былъ добрякъ. Но ужъ русскій человѣкъ какъ-то не можетъ обойдтись безъ брани. Она ему нужна, какъ рюмка живительной лаги для варенія въ желудкѣ: согрѣваетъ и поощряетъ. Что-жъ дѣлать! такая натура прѣснаго не любитъ.

За обѣдомъ хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Тутъ уже онъ не торопился какъ за закуской. Говорилъ, шутилъ, похваливалъ всякое блюдо, прищелкивалъ языкомъ и слѣдилъ немилосердно за тѣмъ ѣдятъ ли гости. Чуть замѣчалъ, что у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить на свѣтѣ. У кого два, подкладывалъ третій, приговаривая: Богъ тройцу любитъ. Съѣдалъ гость три, онъ ему: гдѣ же бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто же строитъ избу объ трехъ углахъ? На четыре была у него поговорка, на пять тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть-ли не двадцать ломтей, и думалъ: „ну, теперь ничего не приберетъ хозяинъ“. Не тутъ-то было. Не говоря ни слова, хозяинъ положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ съ почками, да и какого теленка?

— Два года воспитывалъ на молокѣ, сказалъ хозяинъ, ухаживалъ какъ за сыномъ.

— Не могу, сказалъ Чичиковъ.

— Вы попробуйте да потомъ и скажете: не могу.

— Не взойдетъ; нѣтъ мѣста.

— Да, вѣдь, и въ церкви не было мѣста; а пришелъ городничій, нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ упасть. Вы только попробуйте, этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ, дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а казалось уже ничего нельзя было помѣстить.

„Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву.

Съ такимъ хлѣбосольствомъ, онъ тамъ въ одинъ годъ проживется въ пухъ". Такъ думалъ Чичиковъ, доѣдая кусокъ теленка, помѣщавшагося въ животѣ, какъ городничій въ церкви.

Съ виномъ была та же исторія: хозяинъ то и дѣло подливалъ да подливалъ. Чего не допивали гости, давалъ допивать Николашѣ и Алексашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюмкой, но встали изъ-за стола какъ будто ни въ чемъ не бывало, точно выпили по стакану воды. Напередъ ужъ видно было на какую часть человѣческихъ познаній они обратятъ вниманіе, по пріѣздѣ въ столицу.

Съ гостями было не то: насилу они перетащились на балконъ и на силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ засѣлъ въ какое-то четырехмѣстное кресло, и подумавши сказалъ съ грустью: „Господи Боже мой, ну много ли нужно человѣку, вотъ и сытъ!" Сказавъ это, онъ тутъ же заснулъ. Тучная, толстая собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ, стала издавать черезъ открытый ротъ и носовые продухи такіе звуки, какихъ не бываетъ и въ военной музыкѣ. Тутъ было все: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точно собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ, сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдать, какъ тутъ придти скукѣ. Тутъ сонъ придетъ. Не правда-ли?

— Да. Но я, однакожъ, вы меня извините, не могу понять какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какія же?

— Да, мало ли: для молодого человѣка: танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ, а не-то — жениться.

— На комъ?

— Да будто въ окрестностяхъ нѣтъ хорошихъ, богатыхъ невѣстъ?

— Есть много чучелъ. Да, вѣдь, онѣ-то и есть олицетворенная скука, если не что-нибудь похуже.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить—и богатая мысль сверкнула въ головѣ Чичикова.

— Да вотъ прекрасное средство, сказалъ онъ глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда же ѣхать?

— Да если вамъ свободно, поѣзжайте со мною, сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: а это было бы хорошо,

тогда бы можно было и издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ.

— А вы куда ѣдете?

— Покамѣсть ѣду я не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и можно сказать благотворитель, просилъ навѣстить его родственниковъ. Конечно, родственники родственниками, но, отчасти, такъ-сказать, и для самого себя, ибо видѣть свѣтъ, коловращеніе людей.... какъ это ни говори есть какъ-бы живая книга, вторая наука. Сказавши это, Чичиковъ между тѣмъ помышлялъ: право было-бы хорошо: можно даже и всѣ издержки на его счетъ, даже и отправиться на его лошадяхъ, а мои-бы покормились у него въ деревнѣ.

„Что-жъ? Почему не проѣздиться, думалъ между тѣмъ Платоновъ. Дома-же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата, стало быть разстройства никакого. Почему-жъ, въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться?"

— „А согласны-ли вы, сказалъ онъ вслухъ, погостить у брата денька два? иначе онъ меня не отпуститъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.

— „Ну такъ по рукамъ, ѣдемъ! сказалъ оживясь Платоновъ. Они хлопнули по рукамъ.

— Куда, куда? вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. Нѣтъ сударики! и колеса у коляски приказалъ снять; а вашего жеребца, Платонъ Михайловичъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра, послѣ ранняго обѣда, пожалуй и поѣзжайте себѣ.

(Далѣе въ рукописи противъ изданій 1855 г. стр. 93 — 97; изд. 1857 года, стр. 312 — 315; 451 — 453 нѣтъ никакой перемѣны, до словъ):

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ.

— Пропалъ совершенно сонъ! сказалъ Чичиковъ, перевертываясь, и закуталъ голову въ подушки, и закрылъ себя всего одѣялами, чтобы не слышать проклятаго Пѣтуха. Но и сквозь подушки и одѣяла раздавалось безпрестанно: „Да поджарь! да подпеки, да дай взойтить хорошенько!...

— Поджарить-бы тебѣ, да попечь хорошенько твой языкъ — сказалъ про себя Чичиковъ, и рѣшился ждать окончанія заказыванія обѣда. Заснулъ нашъ Чичиковъ уже на какомъ-то индюкѣ. И грезился ему во снѣ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, откормленнымъ, огромнымъ индюкомъ, безъ перьевъ. И видѣлъ онъ, какъ поваръ поймалъ индюка, посадилъ живого на вертель и сталъ припекать, обливая горячимъ масломъ. И, странное дѣло, показалось еще, что Петръ Пе-

тровичъ, въ видѣ индюка, сидя на вертелѣ, приговаривалъ безпрестанно: „Поджарь, поджарь, припеки хорошенько„!...

Всю ночь грезились эти бредни Павлу Ивановичу.

На другой день, за раннимъ обѣдомъ, сдѣланнымъ, по словамъ Пѣтуха на скорую руку, гости до того объѣлись, что Платоновъ не могъ уже ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха, Платонъ Михайловичъ съ Чичиковымъ въ коляскѣ. Мордатый песъ пошелъ лѣниво за коляской. Онъ тоже объѣлся.

— „Это ужъ слишкомъ! сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали за ворота.

— А не скучаетъ,— вотъ что досадно, сказалъ Платоновъ.

— Было-бы у меня, какъ у тебя, пятьдесятъ тысячъ годового дохода—подумалъ Чичиковъ, да я бы скуку и на глаза не пустилъ.

(Далѣе въ рукописи противъ печатныхъ изданій нѣтъ варьянтовъ).

Сообщ. **М. М. Богоявленскій.**

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept—Oct. 1987
Quality Bound